



# Россия и Вьетнам в новой Азии

---

Антон Цветов, Василий Кашин,  
Александр Королев, Анастасия Пятчкова

Этот текст и другие доклады можно  
скачать на нашем сайте:  
<http://ru.valdaiclub.com/a/reports/>

Данный текст отражает личное мнение автора или группы  
авторов, которое может не совпадать с позицией Клуба,  
если явно не указано иное.

ISBN 978-5-906757-92-0



© Фонд развития и поддержки Международного  
дискуссионного клуба «Валдай», 2019

Российская Федерация, 115184, Москва,  
улица Большая Татарская, дом 42

# Об авторах

## **Цветов Антон Петрович**

Руководитель авторского коллектива, эксперт Центра стратегических разработок (ЦСР)

## **Кашин Василий Борисович**

Старший научный сотрудник Института Дальнего Востока РАН

## **Королев Александр Сергеевич**

Младший научный сотрудник Центра комплексных европейских и международных исследований НИУ ВШЭ

## **Пятачкова Анастасия Сергеевна**

Младший научный сотрудник Центра комплексных европейских и международных исследований НИУ ВШЭ

# Содержание

- 3 Основные положения и выводы
- 4 Новый стратегический контекст: определяющие факторы и их проекция на Юго-Восточную Азию
- 10 Позиции и цели России
- 13 Конкуренция Дальнего Востока и Юго-Восточной Азии за иностранные инвестиции
- 14 Позиции и цели Вьетнама
- 17 Логика российско-вьетнамских отношений и их роль в Юго-Восточной Азии

---

## Основные положения и выводы

Юго-Восточная Азия (ЮВА) стоит сразу на нескольких развилках. Соперничество США и КНР принимает новые формы, и обе державы становятся всё менее терпеливыми к стратегиям стран ЮВА, которые стараются балансировать. Внутривнутриполитическое развитие сразу нескольких государств региона становится менее предсказуемым, на поверхность выходят социальные, политические и культурные разломы. Многосторонняя архитектура, не имеющая выраженных лидеров, пытается выполнить свою миссию и не допустить дезинтеграции региона.

Россия имеет конструктивные и дружественные – пусть не всегда глубокие – отношения со всеми странами региона и нацелена на извлечение конкретной экономической выгоды из связей с ними, в том числе для достижения внутренних целей развития. Позиции России в ЮВА не похожи на позиции США или Китая, а ближе к позиции Индии. Это значит, что Москва не берёт на себя лишнюю ответственность и не впутывается в неразрешимые конфликты, а действует в логике спроса и предложения, опираясь на многосторонние институты и правила игры.

Нынешнюю модель отношений России и Вьетнама можно назвать переходной – от эксклюзивного партнёрства 1980-х гг. к другой содержательной фазе. Сегодня в отношениях двух стран доминируют традиционные сферы и направления, доставшиеся в наследство от эпохи холодной войны. Но пробиваются и ростки новой модели и повестки. Задача текущего этапа – максимально использовать потенциал наследия и помножить его на текущие стратегические задачи России и Вьетнама в собственном развитии и конструировании будущего Юго-Восточной Азии и всего Азиатско-Тихоокеанского региона (АТР).

Одно из ключевых направлений региональной повестки, в котором необходимо сложение потенциалов России и Вьетнама, – поддержка многосторонней региональной архитектуры и проекция глобальной многосторонней системы на ЮВА. Речь идёт об активной совместной работе вокруг Ассоциации государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН) как основного формата взаимодействия крупных держав, о приверженности сложившимся международным режимам в морском праве, нераспространении и торговле, а также выработке совместных позиций по новым дилеммам регулирования и поведения в цифровом пространстве.

Долгосрочная цель для России заключается в поддержании максимально возможной стратегической автономии стран ЮВА и, прежде всего, Вьетнама. Достичь этого можно через инвестирование своего дипломатического веса и опыта в работоспособность региональных структур многосторонней дипломатии, а также за счёт качественного альтернативного

предложения в отдельных стратегических отраслях — кибербезопасности и прорывных технологиях (искусственный интеллект, интернет вещей, большие данные), военно-техническом сотрудничестве, атомной энергетике. Крупнейшее препятствие на этом пути — перенос в диалог России с Вьетнамом и другими странами ЮВА негативного компонента из отношений между Россией и США, а также между Китаем и странами региона.

---

## Новый стратегический контекст: определяющие факторы и их проекция на Юго-Восточную Азию

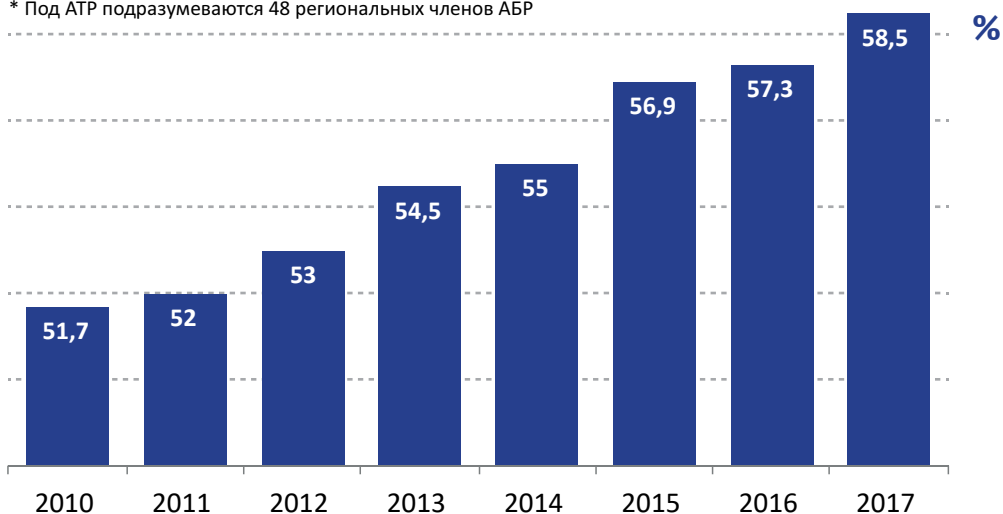
### Новые формы экономической глобализации

Замедление «большой» и привычной нам глобализации не означает, что процессы интеграции окончательно сворачиваются. Крупные игроки стремятся выстроить вокруг себя большие геоэкономические пространства, где гармонизируются и задаются правила игры. Большая «глобализация для всех» заменяется несколькими «глобализациями желающих» — как отраслевыми (например, Парижское соглашение 2015 г. в рамках Рамочной конвенции ООН об изменении климата), так и региональными (например Всеобъемлющее и прогрессивное транстихоокеанское партнёрство — ВПТТП). Страны Юго-Восточной Азии, в том числе Вьетнам, остаются одними из главных бенефициаров такой конкуренции проектов, стремятся извлечь выгоду из доступа на рынки, трансфера технологий и притока инвестиций в стратегические отрасли.

Изменение модели экономического развития в странах АТР характеризуется постепенным расширением внутреннего спроса в развивающихся экономиках, а также усилением региональной взаимосвязанности. Во многом об этом свидетельствует рост внутрирегиональной торговли, чья доля росла на протяжении последних лет и в настоящий момент превышает 58% от общего торгового оборота. «Азия для мира» становится «Азией для Азии»: из «глобальной фабрики», обеспечивающей развитые экономики потребительскими товарами по относительно низким ценам, АТР постепенно становится диверсифицированным и самодостаточным рынком.

## ДИНАМИКА ВНУТРИРЕГИОНАЛЬНОЙ ТОРГОВЛИ В АТР

\* Под АТР подразумеваются 48 региональных членов АБР



Источник: Азиатский банк развития (АБР).

Наиболее важным инструментом продвижения экономической регионализации в АТР за последние 20 лет стало бурное распространение региональных торговых соглашений (РТС), в первую очередь в виде двусторонних зон свободной торговли (ЗСТ). Так, только за последние 10 лет, с 2009 г. совокупное количество ратифицированных РТС в мире увеличилось с 194 до 292 (по состоянию на 2019 г.), из них 85 приходится на Северо-Восточную и Юго-Восточную Азию.

**Рост региональной торговли свидетельствует о том, что «Азия для мира» становится «Азией для Азии»**

## Мегарегиональные соглашения и инициативы

Новым феноменом экономической регионализации в АТР стал запуск мегарегиональных торговых соглашений (МРТС) и крупных региональных инициатив, в том числе движимых низкой динамикой в традиционной многосторонней торговой системе, прежде всего Всемирной торговой организации (ВТО). Речь идёт о таких проектах, как Всеобъемлющее региональное экономическое партнёрство (ВРЭП), формально инициированное странами АСЕАН при активной поддержке Китая, и Всеобъемлющем и прогрессивном транстихоокеанском партнёрстве (ВПТТП), представляющем собой обновлённую версию ТТП без США с участием 11 стран. На данный момент инициативу ратифицировали более 50% стран-участниц, включая Вьетнам, что, по условиям соглашения, позволило с 30 декабря 2018 г. официально запустить её вступление в силу.

Отдельно стоит отметить флагманскую инициативу «Одного пояса, одного пути» (ОПОП), являющуюся центральным элементом стратегии КНР по укреплению лидерских позиций в АТР, если не в мире вообще. Изначально идея ОПОП вращалась более или менее вокруг проектов экономической взаимосвязанности, прежде всего инфраструктурной, однако сегодня ОПОП «целится» почти во все возможные сферы жизни общества. Отчасти именно символические аспекты концепции, включая Форум ОПОП с его декларациями, списками первых лиц-участников и протокольными фотографиями, сегодня служат поводом для рапортов об успехе. Тем не менее работает Китай и в более твёрдой валюте – началась реализация проектов и в ряде стран ЮВА: строительство железных дорог в рамках ОПОП в Лаосе и Таиланде, железной дороги Джакарта – Бандунг в Индонезии, сотрудничество в особой экономической зоне (ОЭЗ) Сиануквиль в Камбодже и так далее. В глазах стран Запада ОПОП за последний год стал настоящим символом нового китайского гегемонизма. Используются (подчас обоснованные) страхи стран-реципиентов попасть в долговые ловушки. Так, Мьянма снизила стоимость поддерживаемого Китаем глубоководного порта в штате Ракхайн с \$7,3 млрд до \$1,3 млрд. Пакистан в декабре 2018 г. обратился с просьбой отложить совместный проект в сфере угольной энергетики стоимостью \$2 млрд, а Малайзия и вовсе находится в шаге от отмены всех проектов в рамках ОПОП.

Можно упомянуть также выдвинутую в 2016 г. президентом РФ Владимиром Путиным в ходе пленарного заседания Петербургского международного экономического форума инициативу создания большого Евразийского партнёрства (БЕП), которое на данный момент лишено чёткой повестки, географических рамок и институциональных механизмов. Представляется, что его цель – проявить стратегическую инициативу и заявить о своём праве участвовать в формировании правил игры в расширенной зоне геостратегических интересов России. БЕП в официальной риторике упоминается главным образом в контексте наращивания экономических связей в регионе и общей взаимосвязанности. При этом отмечается, что БЕП – не проект, где правила игры задаёт узкий круг участников и нужно принимать решение о присоединении к нему на заранее заданных условиях, а, скорее, совместная цель расположенных в данном регионе государств. БЕП «выросло» из идеи сопряжения Евразийского экономического союза (ЕАЭС) и «Экономического пояса Шёлкового пути». Здесь, пожалуй, один из немногих примеров институционализации, пусть и мягкой: 17 мая 2018 г. между ЕАЭС и Китаем было подписано соглашение о торгово-экономическом сотрудничестве. Страны ЮВА – одна из ключевых аудиторий БЕП. С самого начала страны АСЕАН приглашались к кооперации с ЕАЭС и Шанхайской организацией сотрудничества (ШОС), а соответствующие меморандумы между группировками неизменно перечисляются в контексте российских усилий по «собиранию» Большой Евразии.



В отличие от китаецентричного ОПОП и российской инициативы большого Евразийского партнёрства, продвигаемые МРТС представляют собой более глубокую форму региональной торгово-экономической кооперации. Наряду с торговой либерализацией данный тип соглашений включает в свою повестку также широкий спектр вопросов регулирования (гармонизация нетарифных барьеров – НТБ – и стандартов в сфере инвестиций и охраны прав интеллектуальной собственности, создание механизмов урегулирования споров и другое). Именно это делает их той «интеграционной опричниной», где отрабатываются новые правила игры. Весьма вероятно, что именно конкуренция двух макроблоков – ВПТТП и ВРЭП (если стороны решат серьёзно двигаться по пути интеграции, а не остановиться на формальном успехе) станет одним из наиболее устойчивых трендов экономического регионализма в АТР в среднесрочной перспективе, превращая страны ЮВА, прежде всего Вьетнам, Сингапур, Малайзию, в главных бенефициаров за счёт притока инвестиций в стратегические сектора и облегчения доступа на рынки региональных партнёров.

## Конкуренция великих держав

Конкуренты Китая в высшей степени обеспокоены ростом его влияния. Китайское экономическое присутствие и в развитых, и в развивающихся странах уже сегодня воспринимается как неизбежно конвертируемое в возможности политической манипуляции. Особенно нарастает противодействие дальнейшему проникновению Китая в страны ЮВА. Присутствие китайских компаний в капиталах и проектах стран региона, а кораблей и подводных лодок – в Южно-Китайском море – будет всё больше беспокоить политиков и журналистов в США и Европе. В свою очередь, страны-реципиенты в регионе начнут использовать китайское влияние как пугало для его конкурентов, стремясь договориться с США, Японией, Индией и ЕС на более выгодных условиях.

США находятся в поисках нового формата сдерживания. Если ещё 10 лет назад стоял вопрос, как бесконфликтно пережить смещение баланса сил в Азии и остаться здесь без последствий для региональных союзников и партнёров Вашингтона, то теперь вопрос стоит по-другому: сохраняются ли вообще зоны эксклюзивного американского влияния в Восточной Азии? Важнейшим трендом становится распространение многосторонних форматов и внедрение сетевой структуры в американскую систему сдерживания Китая.

Продвижение концепции Индо-Тихоокеанского региона (ИТР) и одноименной стратегии («свободного и открытого ИТР») призвано решить две задачи. Во-первых, администрация Дональда Трампа стремится продемонстрировать

напор и масштаб, которого, как считается, не было у Барака Обамы. Этой же цели отчасти служит и торговая война с КНР. Во-вторых, сам терминологический переход подчёркивает роль Индии как второй, то есть не единственной, великой «автохтонной» державы в большом азиатском регионе, где позиция Китая всегда была диспропорциональной.

Этот новый акцент на Индию проливает свет и на функцию возобновления встреч Четырёхстороннего диалога по безопасности между США, Японией, Австралией и Индией (Quad). Такой формат ставит задачей развитие стратегического взаимодействия между странами, чья внешняя политика в Азии созвучна американской. Важно, что это уже не «союз демократий», а сообщество «единомышленников». Региональные игроки среднего уровня, которые обеспокоены китайским влиянием, но не уверены в предсказуемости США, также стремятся укрепить свои малые форматы взаимодействия. Предстоит следить за развитием стратегических партнёрств в парах и тройках с участием Индии, Японии, Австралии, Сингапура, Вьетнама и других стран АСЕАН.

Серьёзные намерения Вашингтона в отношении концепции ИТР также подтверждаются принятием 31 декабря 2018 г. стратегического документа – «Инициативы по подтверждению стратегии США в Азии» (Asia Reassurance Initiative Act – ARIA). В нём указывается, что США берут на себя обязательства в период до 2023 г. ежегодно выделять \$1,5 млрд для повышения обороноспособности стран-партнёров и укрепления союзнических отношений как ответ на «дестабилизирующие» действия Китая. Достойны внимания также и трёхсторонняя инициатива США, Австралии и Японии по формированию партнёрства для инвестиций в инфраструктуру и американский закон «О лучшем использовании инвестиций, ведущих к развитию» (Better Utilization of Investments Leading to Development – BUILD Act), призванный поддержать американский бизнес, готовый инвестировать за рубежом, в том числе в Индо-Тихоокеанском регионе.

В настоящее время среди правящих элит стран АСЕАН отсутствует консенсус в отношении концепции ИТР, её потенциальных выгод и возможного негативного влияния на долгосрочное развитие Ассоциации. Для Индонезии очевидный интерес связан с тем, что для этой страны ИТР – не американское, а своё понятие. В ходе официального визита президента Индонезии Джоко Видодо в Индию в мае 2018 г. он и его индийский коллега Нарендра Моди не только подтвердили важность движения к «мирному и процветающему Индо-Тихоокеанскому региону», но и приветствовали принятие «Совместного видения морского сотрудничества в Индо-Тихоокеанском регионе между Индией и Индонезией». Именно Индонезия сейчас занимается асеановским осмыслением ИТР и уже на про-

шедшем в 2018 г. Восточноазиатском саммите (ВАС) представила свою, пока незавершённую, концепцию ИТР. Приверженность идеи продвижения концепции ИТР была зафиксирована в ходе визита бывшего президента Вьетнама Чан Дай Куанга в Индию в марте 2018 г. Вместе с тем другие страны, прежде всего Камбоджа, Лаос и Малайзия, осторожно подходят к изучению данной концепции и воздерживаются от заявлений на официальном уровне, стремясь не ставить под угрозу стратегические выгоды от сотрудничества с Китаем.

## «Чёрные лебеди»

Дополнительным элементом региональной динамики становятся «новые неизвестные»: передовые технологии, последствия изменения климата, а также непредсказуемое развитие социальных движений, катализатором которых служат современные формы массовой коммуникации. Киберпространство стало новым полем боя, где нет правил и затруднена атрибуция, а страны способны наносить друг другу серьёзный ущерб «без объявления войны». В Юго-Восточной Азии к этому новому оружию начинают привыкать. Вьетнам уже испытывал на себе крупные кибератаки на аэропорты в 2016 г., а на Филиппинах и в Мьянме «армии троллей» стали неотъемлемой частью внутривнутриполитической борьбы.

Стихийные и экологические бедствия в сочетании с дисбалансами экономического развития стран ЮВА могут в несколько недель разворачивать ход региональных конфликтов, создавать новые социальные и экономические реальности. Так, землетрясение и цунами в декабре 2004 г. развернуло ситуацию в индонезийской провинции Аче, где на протяжении десятков лет шло противостояние между сепаратистским Движением за свободный Аче (GAM) и центральным правительством Индонезии. Разрушительные последствия стихийного бедствия создали дополнительный стимул для пересмотра формата их взаимодействия, и уже в 2005 г. в Хельсинки было подписано соглашение между центральным правительством Индонезии и властями Аче.

Другой пример. В результате урагана «Наргиз» в 2008 г. в Мьянме пострадали не менее 2,5 млн человек, что произошло во многом по вине бездействия властей, несмотря на поступавшие предупреждения о природном бедствии. Власти Мьянмы обвинялись в блокировании иностранных гуманитарных грузов на границе и разворовывании иностранной помощи. Бедствие совпало с «шафрановой революцией». В результате появилась новая конституция, легитимирующая и ограничивающая власть военных (хотя и с сохранением за ними существенных привилегий и ограничений для оппозиции) и были намечены дальнейшие шаги по демократизации Мьянмы.

Внутриполитическая ситуация в ЮВА предсказуема лишь в некоторых странах. Где-то у власти находятся неустойчивые лидеры, опирающиеся на неудовлетворённые и непостоянные массы, где-то традиционные группы влияния (например, военные) удерживают стабильность ценой копящихся противоречий с низовыми политическими движениями. Во многих странах скоро исчезнут преимущества дешёвой и востребованной иностранными инвесторами рабочей силы, а технологического задела для другой модели роста так и не создано. Это будет означать, что новым поколениям может не хватить места в старых социальных лифтах, а новых просто не будет. Это открывает возможности для нездоровых социальных движений. Сразу в нескольких странах региона набирает силу радикальный консерватизм религиозного толка – от кооптации политического ислама в мейнстримные электоральные процессы в Индонезии до укрепления мажоритаристского буддийского дискурса в Мьянме на фоне конфликта в штате Ракхайн.

---

## Позиции и цели России

Небогатая история отношений со странами региона – во многом и преимущество России по сравнению с США и Китаем. У России, в отличие от Китая, нет исторического багажа даннических отношений, истории этнических противоречий и образа регионального гегемона. От США же Россию отличает отсутствие интереса к влиянию на модели управления обществами, политического прозелитизма. Несмотря на свои большие возможности на глобальной арене, в ЮВА Россия имеет позиции, сходные с державами среднего уровня. У России нет и вряд ли может быть значительное военное присутствие не только потому, что здесь пока нет задач для российских группировок, но и в силу чисто материальных ограничений российского флота. За исключением Вьетнама Россия не имеет серьёзного влияния в стратегических отраслях экономик стран ЮВА.

В то же время России доступен традиционный для средних держав набор средств влияния. Во-первых, присутствие на всех ключевых многосторонних площадках. Россия является участником Регионального форума АСЕАН (АРФ) с момента официального запуска в 1994 г., с 1996 г. – полномасштабным партнёром по диалогу с АСЕАН, с 1998 г. – участником Азиатско-Тихоокеанского экономического сотрудничества (АТЭС), с 2010 г. – принимает участие в Совещании министров иностранных дел АСЕАН и Совещании министров обороны АСЕАН и диалоговых партнёров («СМОА плюс»), а также является членом Восточно-азиатского саммита. В 2018 г. президент РФ Владимир Путин впервые принял

участие в пленарном заседании ВАС, а диалоговое партнёрство с АСЕАН получило статус «стратегического».

Во-вторых, Россия занимает лидирующее положение по отдельным отраслям, прежде всего в торговле вооружениями и военной техникой, а также имеет набор востребованных технологий и компетенций в области энергетики, в том числе атомной, борьбы с терроризмом, преодолении последствий стихийных бедствий, информационной безопасности. Россия уже выступает крупным партнёром стран региона в сфере военно-технического сотрудничества, поставляя авиационную технику, системы противовоздушной обороны (ПВО), тактическое ракетное оружие, подводные лодки, боевые корабли, стрелковое оружие во Вьетнам, Индонезию, Лаос, Мьянму, Малайзию, Филиппины. Россия продвигает в регионе системы управления воздушным движением производства компании «Алмаз-Антей» и решения в области цифровизации. Хотя планы развития атомной энергетики отложены на будущее, «Росатом» помогает Вьетнаму в подготовке кадров в области ядерной физики и в создании исследовательского центра в этой области. Во всех случаях Россия избегает увязки экспорта технологий с вопросами политики и идеологии.

---

### **Небогатая история отношений со странами региона — во многом и преимущество России**

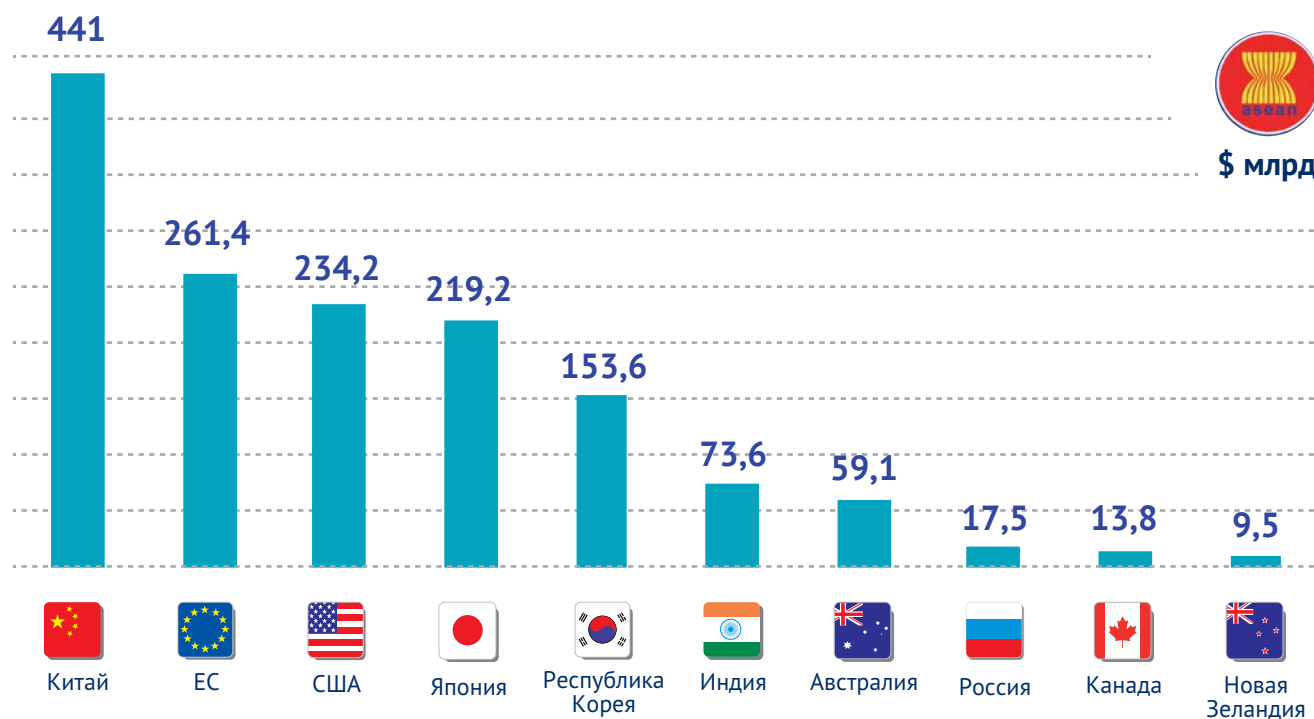
Несмотря на серьёзное отставание от других региональных игроков (Китая, Японии и Южной Кореи) по глубине сотрудничества с АСЕАН в сфере инноваций, имеются примеры успешного проникновения на рынки Юго-Восточной Азии российских венчурных компаний, занятых в сфере информационно-коммуникационных технологий. Прежде всего стоит отметить разработчиков программного обеспечения — «Лабораторию Касперского» и компанию Infowatch. В 2008 г. «Лаборатория Касперского» открыла свой первый региональный офис в Юго-Восточной Азии, который базируется в Селангоре — одном из наиболее передовых с точки зрения инфраструктурного развития штате Малайзии. В число клиентов компании входят крупные предприятия малого и среднего бизнеса и правительственные учреждения — министерство обороны и министерство образования Малайзии. Частная российская фирма Group IB также открывает свой международный офис в Сингапуре. Другие примеры — технологическая платформа FreshOffice и разработчики облачных сервисов: BaseRide Technologies и Ruvento, имеющие офисы в Сингапуре, крупный российский платёжный сервис LifePay, закрепившийся во Вьетнаме, Индонезии и Таиланде.

В то же время для России характерны и многие из ограничений средних держав. Для успеха ей необходимо выстраивать партнёрские отношения со

странами, чей геополитический и экономический потенциал может быть гораздо меньше её. Нужно признать, что в системе внешнеполитических приоритетов России ЮВА выходит за пределы «обязательной программы» – товарооборот с десяткой стран АСЕАН незначителен. Действуют естественные ограничения: незначительный исторический опыт взаимодействия по сравнению с основными конкурентами, географическая удалённость, ограниченная конкурентоспособность российских экспортных товаров, наличие других приоритетов, даже на азиатском направлении.

По данным Федеральной таможенной службы РФ, по итогам 2017 г. объём торговли между Россией и АСЕАН составил \$17,5 млрд, увеличившись за последние 6 лет лишь на 12%. На Россию приходится только 0,8% всей внешней торговли АСЕАН при низкой диверсификации товарной номенклатуры: 61% российского экспорта в АСЕАН составляет минеральное сырьё. Более того, начиная с 2015 г., наметилась тенденция увеличения дефицита в торговле с АСЕАН, который по итогам 2017 г. превысил \$4 млрд. По объёмам двусторонней торговли Россия уступает всем полномасштабным партнёрам АСЕАН по диалогу, за исключением Канады и Новой Зеландии.

## ТОВАРОБОРОТ МЕЖДУ АСЕАН И ЕЁ ДИАЛОГОВЫМИ ПАРТНЁРАМИ, 2017



Источник: АСЕАН.

Вместе с тем даже при условии качественного наращивания промышленного потенциала России вряд ли стоит ожидать существенного увеличения объёмов поставок в страны АСЕАН в связи высоким уровнем конкуренции за рынки ЮВА со стороны более опытных и сильных региональных игроков. Так, в сфере машиностроения ключевые места в регионе занимают Япония, Китай и Южная Корея. На долю трёх стран приходится 44% импорта АСЕАН данного вида товара. Основными экспортёрами продукции атомной промышленности (ядерные реакторы, котлы) в страны Ассоциации являются Китай, Япония и США (54% от общего объёма импорта АСЕАН), в сфере электроники доминирует Китай – 26%, в сфере продовольствия – 47% поставляемой в страны Ассоциации молочной продукции приходится на ЕС, Австралию и США.

---

## Конкуренция Дальнего Востока и Юго-Восточной Азии за иностранные инвестиции

Одной из ключевых задач российской внешней политики на Азиатско-Тихоокеанском направлении является привлечение инвестиций в форсированное развитие Дальнего Востока (ДВ), для чего формируются благоприятные институциональные (создание территорий опережающего развития) и административные (налоговые и иные преференции для инвесторов) условия. По данным российского министерства по развитию Дальнего Востока, по состоянию на 1 января 2018 г., в общей сложности в 9 субъектах Дальневосточного федерального округа (без учёта Забайкальского края и Республики Бурятия) было привлечено \$4,6 млрд. В связи с отсутствием в открытом доступе данных оценить точные совокупные объёмы китайских и японских инвестиций не представляется возможным. Однако, по словам полномочного представителя президента в Дальневосточном федеральном округе Юрия Трутнева, на Китай и Японию приходится по 7% и 2% соответственно от совокупных зарубежных инвестиций на Дальнем Востоке.

---

**АСЕАН в определённой степени выступает конкурентом Дальнего Востока за привлечение прямых иностранных инвестиций**

В этом отношении АСЕАН в определённой степени выступает конкурентом российского ДВ за привлечение прямых иностранных инвестиций в реализацию инфраструктурных проектов в рамках специальных экономических зон (СЭЗ).

При этом рынок ЮВА по населению в 100 раз превышает Дальний Восток и лучше интегрирован в глобальные торговые и производственные цепочки. У стран ЮВА также есть преимущество в виде активного использования этнических диаспор для лоббирования контрактов, а также увязка стратегических планов по модернизации СЭЗ с многосторонними инициативами в регионе. Только за 2017 г. Китай вложил \$8 млрд в развитие СЭЗ Искандар в Малайзии. В этом же году открылась первая китайско-вьетнамская приграничная торговая зона Лунбан – Чалинь, на строительство которой потрачено \$9 млрд.

Что касается Японии, то здесь наиболее характерным примером масштабированного вложения инвестиций в страны ЮВА является использование региональных институтов развития, в частности Азиатского банка развития (АБР), в котором Япония является крупнейшим акционером. Так, с момента запуска в 1992 г. специализированной программы АБР выделил \$21 млрд странам субрегиона Большого Меконга. Только за последующие пять лет, согласно плану действий на 2018–2022 гг., АБР предоставит \$22 млрд инвестиций на социально-экономическое развитие стран региона. Кроме того, Япония является крупнейшим зарубежным инвестором (более \$1 млрд) во флагманском проекте в Таиланде – «Восточного экономического коридора», завершение которого запланировано на 2021 г.

---

## Позиции и цели Вьетнама

Вьетнам входит в число наиболее влиятельных государств ЮВА. Устойчивость политической системы в сочетании с экономической открытостью и ориентацией на привлечение инвесторов сделало его одной из самых привлекательных стран для крупных внешних игроков. В то же время историческое недоверие к Китаю практически гарантирует, что Китай не приобретёт во Вьетнаме достаточного влияния, чтобы мобилизовать его ресурсы на борьбу с конкурентами или решение геополитических задач (в отличие, например, от Камбоджи, где возможен такой вариант развития событий).

Одновременно с этим Вьетнам не может позволить себе чрезмерное сближение с США и их союзниками, потому как на определённом этапе такое сближение начинает наносить урон ему самому. Представляется, что Вьетнам постепенно приближается к той точке гибкого равновесия между Китаем и США, где дальнейшее сближение с Америкой будет маловероятным, за исключением ситуаций, когда давление Китая будет выходить за допустимые



### Базовые социально-экономические показатели Вьетнама, 2017



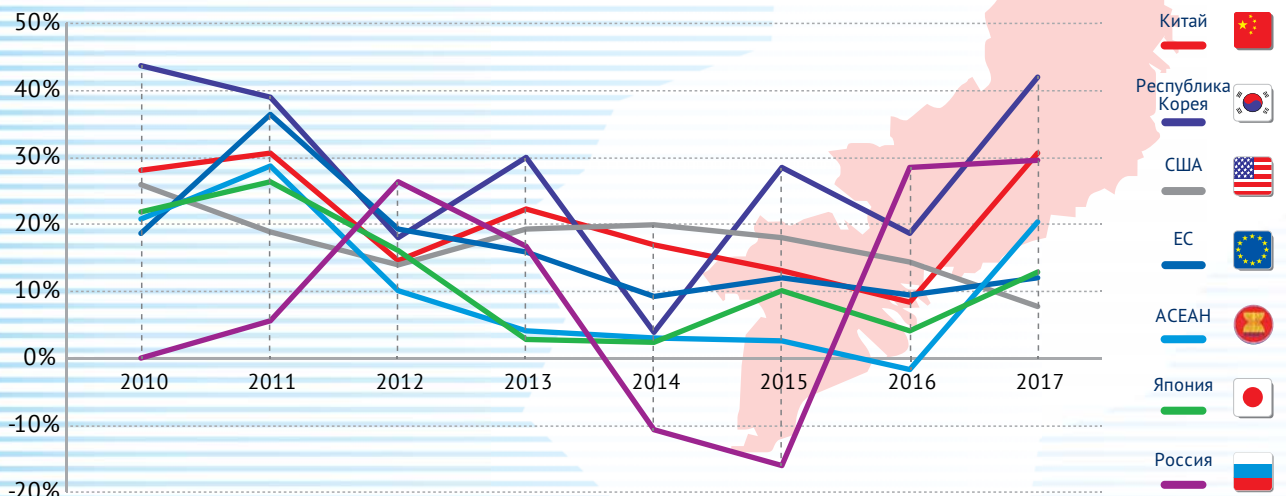
Источник: МВФ, Всемирный банк, PwC, ООН.

### Зоны свободной торговли с участием Вьетнама



Источник: ВТО.

### Сравнительные темпы прироста двусторонней торговли Вьетнама с основными партнёрами



Источник: АСЕАН.

рамки (например, в случае новых крупных инцидентов в Южно-Китайском море масштаба мая 2014 г.). Одним из способов нарастить свою автономию с меньшим риском жёсткой китайской реакции для Вьетнама сегодня является сближение с другими странами, обеспокоенными китайским влиянием: Индией, Японией, Австралией.

Вьетнам — как и многие другие страны ЮВА — ищет выгодных и неэксклюзивных партнёрств, которые не ставят его в многоплановую зависимость от одного партнёра. Это подтверждается высоким уровнем диверсификации торговых и иных направлений Вьетнама. Китай является основным импортным рынком Вьетнама (28% всех поставок во Вьетнам в 2017 г. пришлось на Китай). Что касается экспорта вьетнамской продукции, то здесь ключевым рынком сбыта являются США (19% от совокупных объёмов экспорта Вьетнама). Основным источником прямых иностранных инвестиций во Вьетнам — Южная Корея и Япония, \$15,5 и \$9,2 млрд соответственно в период с 2013 по 2017 гг. Япония также является ключевым донором официальной помощи развитию Вьетнаму. Согласно последним данным министерства иностранных дел Японии, в период с 2012 по 2016 гг. Япония предоставила Вьетнаму помощь в размере \$17,2 млрд, подавляющую часть которой (83%) составили льготные кредиты. По данным SIPRI, в период с 2013 по 2017 гг. Россия экспортировала во Вьетнам вооружения на сумму около \$3,3 млрд, что делает Россию основным поставщиком данного вида товара во Вьетнам. Наконец, наиболее привлекательным образовательным рынком среди зарубежных стран для Вьетнама является Австралия. По данным министерства образования, занятости и трудовых отношений страны, по состоянию на 2017 г., там обучается более 23 тыс. вьетнамских студентов. По этому показателю Вьетнам занимает пятое место среди всех иностранных студентов, обучающихся в Австралии.

Подобное равноудалённое положение Вьетнам ревниво оберегает. В октябре 2018 г. внимание наблюдателей привлекла отмена (по другим версиям — перенос) 15 мероприятий по линии оборонных ведомств Вьетнама и США. Тогда это связали с якобы имевшимся давлением на Вьетнам из Вашингтона с целью диверсифицировать источники поставок вооружений. Министр обороны Джеймс Мэттис работал над исключением для Вьетнама по действию антироссийского санкционного закона «О противодействии противникам Америки посредством санкций» (Countering America's Adversaries Through Sanctions Act — CAATSA), и это был удачный момент для захода на вьетнамский рынок. Ряд комментаторов связывал реакцию Вьетнама именно с желанием продемонстрировать неприемлемость такого подхода, хотя некоторые объясняют отмену мероприятий чисто бюрократическими факторами.

Более интересный пример вьетнамского подхода к балансированию представляет собой реакция на всевозможные «Индо-Тихоокеанские» инициативы. Вьетнамские представители используют этот дискурс в совместных заявлениях с США и Японией и по традиции всячески приветствуют любой вклад внешних держав в «дело укрепления мира и стабильности» в регионе. При этом формально присоединение к каким-либо антикитайским механизмам трудно себе представить. В этой же логике Вьетнам и не подавал против Китая иск в международный арбитраж по спорам в Южно-Китайском море, хотя и в общих чертах поддерживал логику филиппинской заявки. Такой подход сами вьетнамские дипломаты иногда называют «формулой Златовласки» (зарубежная версия сказки «Три медведя»): Вьетнам заинтересован в том, чтобы отношения между США и Китаем не были ни слишком хорошими, ни слишком плохими. В первом случае Вьетнам может стать разменной монетой, а во втором – принуждён принимать чью-то сторону.

---

**Вьетнам постепенно приближается к точке гибкого равновесия между Китаем и США**

---

## Логика российско-вьетнамских отношений и их роль в Юго-Восточной Азии

Российско-вьетнамские отношения сформировались в уникальных исторических условиях. СССР и Социалистическая Республика Вьетнам (СРВ) были друг для друга эксклюзивными партнёрами. У Москвы не было серьёзных альтернатив в ЮВА в условиях противостояния одновременно США и Китаю. Вьетнам же после свержения Пол Пота оказался изолирован не только от партнёров среди крупных держав, но и по сути – от остального региона. В тех условиях сформировалась обширная и глубокая база, которой мы пользуемся и сегодня – выстроенная промышленная и кадровая основа, инфраструктура и вьетнамская военная машина. Именно благодаря холодной войне и особенностям отношений в треугольнике СССР–КНР–СРВ Россия оказалась наследницей связей в области военно-технического сотрудничества, энергетики, машиностроения, образования и науки.

Сейчас объективные экономические и геополитические реалии лишь в определённой мере толкают страны к особому партнёрству. Предоставляя

Вьетнаму вооружения и военную технику, Россия больше не может и не заинтересована в том, чтобы вместе с ними предоставлять «услуги» совместной обороны. В торговле и инвестициях отношения «донор – реципиент» 1980-х гг. уже не совсем актуальны: вьетнамские прямые инвестиции в Россию сегодня превышают российские во Вьетнам.

В торговле речь идёт о высококонкурентном рынке, причём даже особые условия, которых Россия добилась в виде зоны свободной торговли ЕАЭС–Вьетнам, не такие уж особенные с учётом участия Вьетнама в аналогичных – и часто более передовых – форматах с другими странами.

Историю российско-вьетнамских отношений необходимо рассматривать как конкурентное преимущество, которое позволяет России и Вьетнаму надеяться на успех совместных проектов и инициатив. Однако это преимущество не абсолютное, к тому же его можно легко и быстро растратить. Сегодня значительная часть вьетнамской элиты – воспитанники советских вузов, однако их связи с Россией слабеют, да и сами они постепенно уступают место более молодым людям, которые имеют совсем другие ориентиры. Россия участвует в модернизации советских промышленных объектов, но выигрывать право на строительство новых гораздо труднее. В сфере военно-технического сотрудничества российское преимущество будет действовать ещё долго, однако тенденции к диверсификации наметились. По сути, эффект «исторического мультипликатора» будет работать ещё максимум десятилетие, за которое России и Вьетнаму необходимо выстроить новый фундамент отношений, если мы хотим, чтобы они продолжили быть особенными, а не просто отношениями двух средних экономик в разных частях земного шара.

Сегодня важно говорить о том, что может быть сделано в сферах стратегического взаимодействия. Так, у России и Вьетнама есть серьёзное пересечение интересов в плане поддержания принципов регионального мироустройства. Россия и Вьетнам, как страны, не стремящиеся к военным формам доминирования в ЮВА, заинтересованы в максимальной функциональности и эффективности региональных институтов многосторонней дипломатии и системы безопасности. Речь идёт, например, об устранении дублирующих функций и сфер компетенций между наиболее крупными механизмами – ВАС, «СМОА плюс» и АРФ.

«Центральная роль АСЕАН» должна оставаться важнейшим элементом российского подхода к управлению процессами в АТР. Для государств-членов АСЕАН это принципиально важно, что находит отражение в «Дорожной карте Сообщества АСЕАН в сфере политики и безопасности до 2025 г.». Россия неоднократно подчёркивала необходимость выстраивания открытой, всеобъемлющей

системы равной и неделимой безопасности, однако эта инициатива пока существует скорее в дискуссионном формате. При этом АСЕАН играет ключевую роль в «институциональном связывании» региональных игроков в рамках существующих площадок по вопросам безопасности, создавая возможности для прямого диалога между великими державами.

На этих и других площадках необходимо стремиться к близости позиций и формул по защите ключевых режимов: прежде всего, многосторонней торговой системы и правил ВТО, международного морского права в терминах Конвенции ООН по морскому праву 1982 г., нераспространения оружия массового уничтожения. Логично совместно участвовать в разработке и продвижении правил игры и в новых сферах, таких как электронная торговля, информационная безопасность, регулирование в области искусственного интеллекта и биотехнологий.

Российско-вьетнамские отношения целесообразно максимально изолировать от сложностей в отношениях великих держав. Россия в ЮВА не является участником великодержавной конкуренции, её отношения с Китаем необходимо позиционировать не как риск для Вьетнама, а как гарантию того, что любые отношения с Россией как раз лишены всякого рода риска с точки зрения отношений с Китаем. При этом России надо осознавать, что её близкие связи с Китаем сегодня могут выступать и в качестве ограничителя её партнёрств со странами ЮВА. Нужна не только большая разъяснительная работа с элитами государств АСЕАН, но и последовательность политической линии.

В свою очередь, для России большой проблемой станет перенос в регион ЮВА проблем в отношениях с США. Ключевые риски здесь – требования эксклюзивности со стороны Америки, санкционные ограничения на взаимодействие с российскими компаниями и использование санкций как средства зайти на вьетнамский рынок вооружений. Однако и для России будет полезно вовлечь американцев в совместную работу на многосторонних площадках вокруг АСЕАН и искать близкие позиции. Это будет практическим способом продемонстрировать уважение к асеаноцентричным площадкам, подчеркнуть их ключевую роль в региональной архитектуре.

Важным инструментом координации позиций России и Вьетнама могут стать минилатеральные форматы, например, Россия–Вьетнам–Индия. Для них есть естественные предпосылки в сфере поставок вооружений, однако важно и конструктивное вовлечение Индии в систему регионального управления в АТР.

---

**Эффект «исторического мультипликатора» будет работать ещё максимум десятилетие**

Индия разделяет важность многосторонних институтов безопасности и цель предотвращения великодержавного противостояния в ЮВА.

В непосредственно двусторонних отношениях перед двумя странами стоит задача нарастить человеческое и деловое содержание связей. Значительная часть двусторонних проектов сегодня проходит по линии крупных государственных корпораций, однако именно на уровне частного бизнеса создаются устойчивые масштабные контакты, позволяющие сформировать широкую долгосрочную взаимную заинтересованность. Похожая задача стоит и в образовательных связях. Другие поставщики образовательных услуг (Австралия и США) выигрывают благодаря не только качеству образования, но английскому языку, который повышает применимость полученных знаний и навыков и универсальность выпускника. Российские образовательные учреждения могут стать значительно более привлекательными для вьетнамских студентов, если и сами будут представлять такие форматы обучения, которые встраиваются в глобальную карьерную траекторию современных молодых вьетнамцев.

Вьетнам нацелен на сбалансированную интеграцию в мировое сообщество и поддержание равновесия в регионе, которому грозит нарастание дисбаланса. В этом интересы Вьетнама совпадают с российскими. Возможности России в ЮВА ограничены. Понимание ограничений даёт Москве свободу действовать в партнёрстве с региональными державами среднего уровня для укрепления практики многосторонних действий как одной из немногих альтернатив новому витку разобщённости и великодержавного противостояния. Дипломатические возможности России будут приветствоваться в ЮВА и во Вьетнаме, если она сосредоточится на поддержании асеаноцентричной системы многосторонней дипломатии и сформулирует для региона компактное, но конкретное предложение.

 ValdaiClubRu  
 ValdaiClubRu  
 t.me/valdaiclub  
 ValdaiClub  
 valdaiclubcom  
valdai@valdaiclub.com



СОВЕТ ПО ВНЕШНЕЙ И ОБОРОННОЙ ПОЛИТИКЕ



Российский совет  
по международным  
делам



МГИМО  
УНИВЕРСИТЕТ



НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ  
УНИВЕРСИТЕТ